

Нелегальный церковный документ эпохи гонений (1920–1930-е годы XX века)

Аннотация. Исследование истории Русской Православной Церкви XX века во многом зиждется на изучении документов эпохи, созданных в церковной среде. Поскольку всякого рода церковная печать была под запретом, в 1920–1930-е годы, в России получило большое распространение размножение документов в частном порядке — путём переписывания или перепечатки на пишущей машинке. Эти материалы играли роль церковной печати — знакомили с событиями церковной жизни, выражали убеждения в правоте автора или группы единомышленников, отличали идейных противников, а также служили для связи с заграничными деятелями. Размножение подобных материалов, в случае их обнаружения, грозило репрессиями не только авторам материалов и упомянутым в них лицам, но и простым переписчикам. Эти документы, благодаря сохранившим их подвижникам, являются важнейшими источниками в области истории Русской Православной Церкви эпохи гонений. В статье приводятся документы, попавшие за рубеж, — письма епископа Дамаскина (Цедрика), сборник церковных документов «Дело митрополита Сергия», анализируются документы как исходящие из канцелярии митрополита Сергия (Страгородского), так и порождённые оппозиционными Заместителю Патриаршего Местоблюстителю церковными деятелями. Большое количество документов было создано в окружении М. А. Новосёлова и им самим. Также важнейшими документами эпохи являются письма митрополита Кирилла (Смирнова) и ответы на них митрополита Сергия

(Страгородского). Особое внимание статья уделяет передаче за границу сборника церковных документов под названием «Дело митрополита Сергия» и роли в этом предприятии уехавшего за границу в 1930 году журналиста М. М. Брендстеда (псевдоним М. Артемьев), а также изданным за рубежом его статьям о подпольной литературе в СССР. Поднимается проблема авторства анонимных источников, подлинности документов, распространявшихся в церковной среде. ОГПУ активно использовало церковные документы, обнаруженные при аресте, для преследования верующих. Фрагменты этих документов часто становились основанием для формулировок обвинительных заключений как свидетельство антисоветской деятельности подсудимых. В статье отмечается роль собирателей церковных документов во времена гонений — протопресвитера М. Польского, М. Е. Губонина, митрополита Мануила (Лемешевского).

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, гонения на верующих, митрополит Сергий (Страгородский), тайное распространение церковных материалов, церковная полемика конца 1920-х годов, М. М. Брендстед, М. А. Новосёлов

Для цитирования: Косик О. В. Нелегальный церковный документ эпохи гонений (1920–1930-е годы XX века) // Ортодоксия. — 2023. — № 2. — С. 170–191. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-2-170-191

В эпоху гонений, когда попали под запрет все легальные способы распространения информации о жизни Церкви в СССР, получило распространение размножение важных церковных документов путём перепечатки на пишущей машинке, значительно реже вручную, иногда на примитивной множительной технике. Порой к этому явлению применяется понятие «церковный самиздат», хотя термин «самиздат» появился значительно позже¹, и для 1920–1930-х годов этот термин, думается, приложим не полностью, являясь в некоторой степени анахронизмом, то есть применением позднейшего наименования для процессов более раннего времени.

¹ Православный самиздат в Советском Союзе. Интервью с А. В. Щипковым // Церковный Вестник. — 2004. — № 21. — 7 ноября 2004. — URL: http://www.e-vestnik.ru/history/pravoslavnyj_samizdat_v/ (дата обращения: 22.12.2022).

Как отмечал выдающийся церковный историк и собиратель материалов по истории Русской Православной Церкви Михаил Ефимович Губонин, «попытки частного собирательства церковной документации так или иначе осуществлялись, чему немало способствовала остроумная практика (и это следует особо отметить и подчеркнуть), применявшаяся возглавителями Церкви тех времён, начиная со Святейшего Патриарха Тихона (в прошлом большого и опытного миссионера), заключавшаяся в систематическом и обильном размножении если не всех, то хотя бы главных актов и официальной церковной документации по основным вопросам текущего церковного домостроительства и возможно широком распространении их среди православного населения в копиях, предварительно заверенных печатью и подписями ответственных иерархов из числа членов очередной синодальной сессии. Это мероприятие, возникшее, быть может, стихийно, как замена полнейшего отсутствия церковной периодической и вообще какой бы то ни было печати, столь обильной в дореволюционное время, немало помогло проникновению в широкие круги верующих основных церковных документов, которые собирались и накапливались в руках лиц, болеющих интересами Церкви, или любителей памятников церковно-исторической письменности, способствуя таким образом возникновению и росту частных собраний различной полноты и исторической ценности» (Акты 1994: 13).

На первый план в эпоху гонений выходят *письма*. Их видовое разнообразие как источников личного происхождения расширяется. Порой в частные письма была включена информация, адресованная пастырем многим лицам (письмо-послание), или сообщение вышестоящему духовному лицу — в отчёт вкрапливались личные переживания и факты (письмо-отчёт, письмо-доклад). Авторство писем часто устанавливается с трудом, полная подпись облегчала гонителям поиск.

В фонде «Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей» (ГА РФ. Ф. Р-6343), вывезенном в Советский Союз после Второй мировой войны, есть дело под названием «Положение Православной Церкви в России»². В эту папку попадали различные письма, вырезки из

² Архив Архиерейского Синода РПЦЗ до 1941 года находился в резиденции Синода в г. Сремские Карловцы в Югославии. В 1941 году он был конфискован немецкими оккупационными войсками и отправлен в Германию. В 1945 году архив был вывезен советскими войсками в СССР и помещён в Особый архив. 25 августа по решению ГАУ МВД СССР он был передан в Центральный государственный архив Октябрьской революции СС СССР (ныне ГА РФ). После обработки и описания был образован фонд № Р-6343 («Высшее церковное управление РПЦ за границей») в количестве 374 дел. В 1996 году фонд был переименован в «Архиерейский Синод РПЦ за границей, г. Сремские Карловцы, Югославия». До 1988 года материалы находились на секретном хранении. См.: (Попов 2003: 386–387).

газет, воззвания, статистические материалы, которые церковные люди собирали в России и пересылали за рубеж. Среди этих свидетельств веры и исповедничества имеются две машинописные копии письма, посланного из Туруханского края. Письмо было написано неким епископом и датировано днём Рождества Христова 1926 года по старому стилю. В нём сообщались подробности нелёгкой жизни северных изгнанников, тем не менее всё письмо пронизано удивительно светлым и бодрым настроением. В своей хибарке архиерей совершал Божественную литургию «за весь народ... за весь мир...!»³. В результате исследования выяснилось, что письмо принадлежит замечательному святителю Русской Православной Церкви, принявшему мученическую кончину, — епископу Дамаскину (Цедрику).

Оно было отправлено ссыльным епископом с оказией на Украину, где архиерей служил в предшествующие годы и имел много друзей и единомышленников. Затем машинописная копия этого документа попала в Париж (о чём свидетельствовала помета «Из Парижа»), а оттуда — в канцелярию Архиерейского Синода. По соображениям конспирации имя автора и название посёлка при перепечатке были заменены отточием. Письмо было прочитано на специальном заседании Архиерейского Синода, где было принято решение об опубликовании его в эмигрантской печати как свидетельство исповеднического подвига одного из архиереев Русской Православной Церкви.

Близкая знакомая епископа Дамаскина, его секретарь Е. Н. Лопушанская, писала: «В Полое же застала епископа Дамаскина декларация митрополита Сергия. Насколько велико было произведенное ею на него впечатление, видно из того, что епископ написал по этому поводу 150 писем» ([Лопушанская] Е. Н. 1971). Изучение биографии святителя позволило сделать вывод о том, что могло быть послано в копиях, но отнюдь не написано 150 писем.

Переломные моменты церковной жизни вызывали резкое увеличение объёма копируемой и пересылаемой литературы. Июльская декларация 1927 года, подписанная митрополитом Сергием и членами Временного при нём Патриаршего Священного Синода, и последующие документы, изданные как продолжение новой церковной политики, породили лавину откликов. Это были увещания и обращения архиереев и мирян к митрополиту Сергию, архиерейские послания и воззвания к собратьям

³ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 186–192.

и пастве, канонические разборы, личные письма, полемические произведения различного жанра и т. д.

В Москве, Ленинграде и Киеве шло тиражирование церковных документов, связанных с новым курсом митрополита Сергия. Особенно много материалов создавал, собирал, инициировал и распространял Михаил Александрович Новосёлов, один из лидеров оппозиции митрополиту Сергию. Не переставая работали пишущие машинки в Москве, Ленинграде, Киеве, других городах. Работа была крайне опасной. Как правило, выявленный копировальщик получал обвинительный приговор, иногда с немалым сроком. Например, в обвинительном заключении по делу Татьяны Людовиковны Катуар, близкой помощницы М. А. Новосёлова, и других церковных деятелей говорилось: «КАТУАР служила связистом для группы, распространявшим документы, распечатывавшим их на своей пишущей машинке; она же работала по материальной поддержке административно высланных и арестованных членов группы, держала с ними связь. У неё найдены подлинники писем членов группировки, где они названы псевдонимами: “пламенный”⁴, “прекрасный”⁵ и т. п. Катуар никого назвать не пожелала [...]. Поверх текста размашисто начертана помета: “Всех в лагерь. Е. Тучков”»⁶.

В Государственном архиве Российской Федерации в фонде «Евлогий (Георгиевский)» хранится сборник документов, среди которых немало тех, что распространялись указанным образом. Этот сборник носит название «Дело митрополита Сергия»⁷. Большинство документов указанного сборника носит ярко антисергианский характер и подобраны с целью уверения заграницы в ошибочности нового курса, начатого Заместителем Патриаршего Местоблюститителя митрополитом Сергием (Страгородским).

Сборник включает 124 документа, среди которых несколько перепечатанных публикаций из советской прессы. В нём 452 страницы. В большинстве документов не указан автор. Иногда значится географическое происхождение — «Московский документ», «Киевский документ», «Ташкентский документ».

⁴ Обычно так именовали в целях конспирации архиепископа Серафима (Самойловича), имя которого в переводе с еврейского языка означало «пламенный».

⁵ Так в целях конспирации называли митрополита Иосифа (Петровых) по ассоциации с библейским персонажем Иосифом Прекрасным.

⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-44340. Л. 62–62 об.

⁷ ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1.

Временные рамки сборника: 1917 год — 7 февраля 1929 года. Судя по оформлению, его целью было дать картину церковной жизни 20-х годов XX века, включив конфликт части Русской Церкви с митрополитом Сергием в контекст общего положения гонимой Церкви начиная с 1917 года. Поэтому события после выхода июльской декларации предваряются некоторыми посланиями Патриарха Тихона и постановлениями Священного Собора 1917–1918 годов, выписками из законодательных актов Советского правительства и высказываний о религии Ленина. В отдельной главе, названной «Колебания в Церкви», собраны документы Патриарха Тихона, которые можно трактовать как уступки большевистским властям, в частности «Предсмертное завещание Патриарха Тихона».

Этот сборник был переправлен за границу знакомым Новосёлова М. М. Брендстедом, имевшим заграничный паспорт, и передан знаменитому философу — проживавшему в Париже Н. А. Бердяеву. При этом в сборник, имеющий антисергианскую направленность, М. Брендстед, почитающий Н. А. Бердяева как своего учителя, самовольно включил статью своего кумира «Вопль Русской Церкви».

В сборнике были помещены и письма митрополита Кирилла (Смирнова) к Заместителю Патриаршего Местоблюстителю митрополиту Сергию (Страгородскому). Митрополит Кирилл (Смирнов) — замечательный святитель, священномученик, ставший главой оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому) в 1930-е годы (Мазырин 2006: 68–93). Переписка этих иерархов — яркий пример распространения церковных документов путём перепечатки и рассылки с целью ознакомить деятельных и активных членов Церкви с доводами противников. Митрополит Кирилл в своём первом письме от 15 мая 1929 года, посланном из станка⁸ Хантайка Туруханского района Красноярского округа, где святитель отбывал ссылку, касался волновавшей многих проблемы полномочий Заместителя. Он писал: «Для меня лично — не подлежит сомнению, что никакой Заместитель по своим правам не может равняться с тем, кого он замещает, или совершенно заменить его» (Акты: 638). Имелся в виду, конечно, посланный на Север Патриарший Местоблюститель митрополит Пётр (Полянский), который, несмотря на изоляцию и тяжёлые условия ссылки, от возглавления Церкви не отрекался, и поминовение его в церквях было символом единения Русской Православной Церкви. В своём ответном письме митрополит Сергей попытался сконцентрировать внимание

⁸ Станок — небольшой посёлок в Сибири.

на условности наименования своей должности «Заместитель Патриаршего Местоблюстителя» и упрекнул святителя Кирилла в создании раскола.

В ответ последовало второе письмо («Отзыв») митрополита Кирилла от 10–12 ноября 1929 года из г. Енисейска. Святитель Кирилл выражал опасение, что учреждением своего Синода митрополит Сергей создал для Церкви угрозу подмены целостности патриаршего строя синодальным управлением. Митрополит Кирилл ещё раз подчеркнул, что от своих прав по местоблюстительству митрополит Пётр не отказывался «и до сих пор остаётся и признаётся Церковью в своём достоинстве. В качестве Местоблюстителя он выступает перед Церковью с посланиями и самостоятельными предложениями», оставляя за своим Заместителем отправление возложенных на него «ежедневных обязанностей по церковному управлению» (Акты: 653).

Святитель Казанский попросил весь материал, составляющий переписки, «передать на усмотрение Патриаршего Местоблюстителя Высокопреосвященнейшего Петра, митрополита Крутицкого, как действительно первого епископа страны».

Как известно, митрополит Сергей свою переписку с митрополитом Кириллом Местоблюстителю не передал (Воробьёв, Косик 2009: 37–69). Это сделал епископ Дамаскин (Цедрик) путём сложных и опасных действий, связанных с этим предприятием. Митрополит Пётр выразил своё несогласие с действиями своего Заместителя. Машинописная переписка архиереев представляет собой важнейший источник по церковной истории эпохи гонений.

Надо сказать, что не у всех архиереев эта переписка, ставшая известной многим лицам, вызвала одобрение. Как пример неоднозначного отношения к ней приведём высказывания архиепископа Николая (Добронравова) в изъятом при аресте письме к епископу Дамаскину (Цедрику), с которым владыка Николай находился в Туруханской ссылке. Владыка Николай предостерегал об опасности углубления раскола в Русской Церкви. Он писал: «...Крайне удручает меня кирилло-сергиевская переписка. Она чревата ужасными последствиями. [...] Итак, к великой и неопишуемой радости врагов церкви, распря между м[итрополитом] К[ириллом] и м[итрополитом] С[ергием] усиливает в ней раскол»⁹. Мы привели этот пример для иллюстрации того факта, что, несмотря на все трудности распространения машинописной

⁹ Архив УФСБ по Брянской обл. Д. П-8979. Т. 1. Л. 154.

«литературы», она находила отзвук и вызывала ту или иную реакцию у её читателей.

Некоторые документы размножались в большом количестве экземпляров. Об этом можно судить по их обнаружению в различных следственных делах. Так, мы находим в следственных делах яркое, эмоциональное «Киевское воззвание», написанное, скорее всего, священником Анатолием Жураковским, возможно в соавторстве с другими единомышленниками, в котором ставится вопрос: «Не становится ли таким образом “сторож Русской церкви” сторожем Советского аппарата и не превращается ли сонм служителей Церкви в послушную и безответную армию явных и тайных сотрудников власти?» «За что благодарить?» — спрашивает автор, имея в виду сакраментальные слова в декларации: «Вознесём же наши благодарственные молитвы ко Господу, тако благоволившему о святой нашей Церкви. Выразим всенародно нашу благодарность и Советскому правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения, а вместе с тем заверим правительство, что мы не употребим во зло оказанного нам доверия». «За что благодарить? За эти неисчислимые страдания последних лет? За храмы, попираемые отступниками? За то, что погасла лампада Преп[одобного] Сергия? За то, что драгоценные для миллиона верующих останки Преп[одобного] Серафима, а ещё ранее останки святителей Феодосия, Митрофана, Тихона, Иоасафа, подверглись неимоверному кощунству? За то, что замолчали колокола Кремля и закрылась дорога к Московским Святителям? За то, что Печерские угодники и Лавра Печерская в руках у нечестивых? За то, что наша северная обитель стала местом непрерывающихся страданий? За эти мучения, за кровь м[итрополита] Вениамина и других убиенных святителей?! За что?» (Алчущие правды 2010: 163–174).

Это воззвание — выдающийся образец именно церковной публицистики, с которым по силе воздействия могут сравниться некоторые воззвания епископа Дамаскина (Цедрика), также распространявшиеся в копиях (Косик 2009: 322–324). Недаром «Киевское воззвание» приписывалось некоторыми лицами епископу Дамаскину (Цедрику) ([Лопушанская] 1951: 5–13).

Многие документы, распространявшиеся в копиях, были анонимны, и порой в связи с этим в среде историков возникает полемика об их авторстве. Так, «Письмо к другу», которое М. Е. Губонин приписал архиепископу Илариону (Троицкому), несомненно, принадлежит М. А. Новосёлову. М. Е. Губонин дал название документу «Письмо

архиепископа Илариона [Троицкого] к Н. Н. по поводу Декларации митрополита Сергия [Страгородского] от 16 (29) июля 1927 г.», но, судя по содержанию, стилю, форме и обращению к определённым кругам святоотеческих источников, документ написан М. А. Новосёловым. Эмоционально очень напряжённый протест против декларации митрополита Сергия с апокалиптическими примерами и сравнениями весьма характерен для М. А. Новосёлова. Это же можно сказать и о выражении недоверия «официальным пастырям (епископам и иереям)» в деле «решения выдвигаемых церковной жизнью вопросов», что записано автором ещё в 1925 году. Характерно для М. А. Новосёлова и предостережение против формального применения канонов. Если для епископов этого круга характерно подчёркивание особой ответственности архиереев, то у активных мирян можно встретить настроение недоверия к епископату в тот драматический период.

Письма к друзьям, как известно, — выбранный М. А. Новосёловым жанр изложения своих мыслей по разным вопросам церковной жизни. Так названа и написанная им книга (Новосёлов 1994). Естественно было бы для него продолжить в привычной форме записывать и свои рассуждения в форме обращения к другу. Ссылка на заметки в записной книжке более ранних лет напоминает подобные фрагменты в известных его письмах, например в письме 18: «Считаю, впрочем, не лишним поделиться с вами, мои дорогие, несколькими краткими выписками из моей записной книжки <...> Вот что было занесено мною в неё 21–23 февраля <...>» (Новосёлов 1994: 252). Архиепископ Иларион (Троицкий), как уже говорилось, совершенно не поддерживал духовенства, отделившегося от митрополита Сергия. Аргументом в пользу авторства М. А. Новосёлова может служить и то, что в «Деле митрополита Сергия» заголовок включает слова: «Московский документ». Как известно, архиепископ Иларион во время написания письма находился в Соловецком лагере. М. А. Новосёлов в эти годы проживал то в Москве, то в Ленинграде, поэтому письмо вполне могло быть написано в Москве. Неосновательно также приписывание авторства этого документа епископу Илариону (Бельскому) (Цыпин 1999: 122), который также в ноябре 1927 года находился в Соловецком лагере. Епископ Иларион (Бельский) не был церковным писателем¹⁰.

¹⁰ См.: Горбачев А. Об авторстве одного письма, приписываемого священномученику Илариону // Православие.ru — 2014. — 1 июля. — URL: <https://pravoslavie.ru/71868.html> (дата обращения: 21.12.2022).

В канцелярии митрополита Сергия размножались документы с целью уверить паству в каноничности своего управления и признании со стороны Восточных Патриархов. Это, во-первых, копии с посланий Восточных Патриархов, полученные в ответ на обращения митрополита Сергия, сделанные в 1927 году, после издания документов, свидетельствующих о новом курсе церковной политики. Это грамота Патриарха Антиохийского Григория митрополиту Сергию от 2 ноября 1927 года, грамота Патриарха Иерусалимского Дамиана от 21 октября 1927 года, обращение Вселенского Патриарха Василия III к митрополиту Сергию от 7 декабря 1927 года и др.¹¹.

В копиях распространялись письма, защищающие митрополита Сергия. В их числе письмо епископа Захарии (Лобова) к протоиерею Николаю Михайловичу Н. (Акты 1994: 568), письмо епископа Николая (Клементьева) к О. Ф. Б. (Акты 1994: 568–569), отрывки из писем архиепископа Илариона (Троицкого) из Соловецкого лагеря (Акты 1994: 618–619) и др. Подобные документы часто имели печать Синода, удостоверяющую подлинность документа.

В письме архиепископа Илариона, в частности, говорилось: «Что реку о сем. А то, что всем отделяющимся я до крайней степени не сочувствую. Считаю их дело совершенно неосновательным, вздорным и крайне вредным. Не напрасно каноны 13–15 Двукр. Собора определяют черту, после которой отделение даже похвально, а до этой черты отделение есть церковное преступление. А по условиям текущего момента преступление весьма тяжкое. ... Я ровно ничего не вижу в действиях митр. Сергия и Синода его, что бы превосходило меру снисхождения или терпения. Ну, а возьмите деятельность хотя бы Синода с 1921 по 1927 г. Там, пожалуй, было больше сомнительного, и, однако, ведь не отделялись. А теперь будто смысл потеряли, удивительно, ничему не научились за последние годы, а пора бы, давно пора бы... Утверждаются часто на бабьих баснях... Что поделаешь. Ухищрения беса весьма разнообразны» (Акты 1994: 618).

В одном из писем митрополита Кирилла упомянуто это письмо, с которым митрополит ознакомился уже после кончины священномученика Илариона. Оно доставило огорчение святителю: «Познакомился с строгим суждением о нас Ларчика» (Акты 1994: 869). Имя искажено, как часто случалось в конспиративной переписке. В своём письме Заместителю Патриаршего Местоблюстителя от 10–12 ноября 1929 года

¹¹ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263.

митрополит Кирилл писал: «В распространяемом с синодским засвидетельствованием подлинности письме архиепископа Илариона основная аргументация автора покоится на мысли, что Синод Ваш и Святейший Правительствующий Синод, Учрежденный в 1721 г., — “явления одного и того же порядка и достоинства”. Если бы эта мысль была чужда Вам, Вы, конечно, не благословили бы рассылать подобный документ в назидание другим...» (Акты 1994: 651–657).

В послании архиепископов Аверкия и Пахомия (Кедровых) было отмечено: «Нас всех интересует мнение заключённых и ссыльных наших архипастырей. Очевидно, придаёт ему значение и синод митрополита Сергия и потому распространяет выдержки из случайных писем частных различных ссыльных иерархов, чтобы убедить, что все исповедники поддерживают реформу митрополита Сергия» (Мазырин 2007: 162).

Стоит остановиться ещё на одном документе, распространявшемся Московской Патриархией. Это письмо бывшего соловчанина протоиерея Иоанна Шастова, датированное 2 (15?) февраля 1928 года. В нём со всей определённой и без оговорок утверждалось, что священнослужители («все мы»), «находившиеся доселе в Соловках в заключении, как и в тех местах, которые около Соловков» (Акты 1994: 579), состояли в каноническом молитвенном общении с митрополитом Сергием и Патриаршим Синодом. Но этого мало. По свидетельству протоиерея Иоанна Шастова, заключённые Соловков приняли решение «считать Декларацию необходимым актом, свидетельствующим лояльное отношение к государственной власти и не нарушающим ни догматического, ни канонического учения» (Акты 1994: 579). Возникает предположение, что письмо «подсказано» протоиерею и, может быть, даже написано за него.

Письмо протоиерея Иоанна Шастова составлено, по-видимому, в противовес посланию соловецкого епископата 1927 года, в котором говорилось о невозможности принять и одобрить послания в целом по нескольким принципиальным пунктам. В машинописном сборнике «Дела митрополита Сергия»¹² письмо протоиерея Иоанна Шастова названо подложным¹³.

Среди циркулирующих в церковной среде документов можно указать ещё на письмо епископа Захарии (Лобова), который от имени священнослужителей, сосланных в Марийскую область, выразил протест «против

¹² ГА РФ. Ф. 5919. Оп.1. Д. 1.

¹³ Там же.

неразумных и преступных выступлений Владыки Виктора» и осуждение «за его отделение от митрополита Сергия и его Синода». «За митрополита Сергия и его Синод мы, все марийские ссыльные, — писал епископ Захария, — крепко стоим и одобряем все его действия, — и пока не видно никаких отступлений от чистоты Православия»¹⁴. Архиепископы Пахомий и Аверкий назвали наивным заявление «старца епископа Захария Лобова, простодушно сознающего, что он очень боится, как бы протесты против легализации не отсрочили его возвращения из ссылки». Они писали: «Жаль бедного старца, измученного ужасно всем». Авторы послания отмечали: ...Синод митрополита Сергия и потому распространяет выдержки из случайных писем частных различных ссыльных иерархов, чтобы убедить, что все исповедники поддерживают реформу митрополита» (Мазырин 2007: 162).

Заверена печатью Московской Патриархии и Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Сергия и подписью Управляющего делами Патриаршего Священного Синода епископа Сергия Гришина и копия доклада возвратившегося из ссылки епископа Спас-Клепиковского vicария Рязанского Василия Беяева митрополиту Сергию от 11 ноября 1927 года. В этом известном документе содержались слова о признании Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром (Полянским) декларации митрополита Сергия (Страгородского). В докладе епископа Василия содержатся такие слова: «С 1 августа по 23 сентября [н. ст.] я прожил в поселке Хэ Обдорского района Тобольского округа, вместе с митрополитом ПЕТРОМ, Местоблюстителем и, по его поручению, должен Вам сообщить нижеследующее: Владыка получил возможность (из газеты “Известия”) прочитать Декларацию нынешнего православного Синода и вынес от неё вполне удовлетворительное впечатление, добавив, что она является необходимым явлением настоящего момента, совершенно не касаясь её некоторых абзацев. Владыка митрополит просил передать его сердечный привет митрополиту Сергию и всем знающим его» (Акты 1994: 529–530).

Фототипическое воспроизведение этой копии приведено в сборнике М. Е. Губонина «Акты Святейшего Тихона...». Вновь открытые документы свидетельствуют, что в действительности Патриарший Местоблюститель митрополит Пётр (Полянский) не поддержал своего Заместителя. Он писал митрополиту Сергию: «В то же время смею заявить, что званием

¹⁴ Там же.

заместителя Вам предоставлены полномочия только для распоряжения текущими делами, быть только охранителем существующего порядка. Я глубоко был уверен, что без предварительного сношения со мною Вы не предпримите ни одного ответственного решения. Каких-либо учредительных прав я Вам не предоставлял, пока состою Местоблюстителем и пока здравствует м[итрополит] Кирилл, а в то же время был жив и м[итрополит] Агафангел». [...] И далее: «...прошу поглубже укоренить убеждение, что моё решение — предложить Вам исправить ошибку и устранить все мероприятия, превысившие Ваши полномочия, есть Богом благословенное и имеет обязательную силу» (Воробьев, Косик 2009: 64).

Вышесказанное указывает на то, что предпринимались попытки формирования определённых мнений в церковной среде с помощью распространения рукописных (или машинописных) копий документов, причём как со стороны властей, так и со стороны церковного руководства.

Интересные сведения сообщены в статье уже М. Артемьева (псевдоним М. Брендстеда) «Подпольная литература в советской России», напечатанной в чикагской газете «Рассвет». Михаил Михайлович Брендстед — загадочная личность. В 1910–1920-е годы он — тайный член тамплиерского кружка и одновременно прихожанин православных храмов, близкий знакомый М. А. Новосёлова. В 1930 году он уехал из России, захватив с собой сборник церковных материалов, составленный М. А. Новосёловым и протоиереем Ф. Андреевым под названием «Дело митрополита Сергия», предназначенный для передачи русским эмигрантам с целью ознакомления с положением Церкви в СССР и оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). За границей М. Брендстед печатается в эмигрантских журналах Европы и США под псевдонимом М. Артемьев.

Он проявляет незаурядную осведомлённость о положении нелегальных групп в России, сообщает сведения о нелегальных материалах, хотя его информация часто содержит искажения. Так, о составленном в Москве и Ленинграде сборнике «Дело митрополита Сергия» он намёком упоминает так: «Каким-то безвестным монахом в глухом местечке центральной России в глубокой тайне изданы 6 экземпляров “Сборника” этих документов, содержащих свыше 200 документов на 500 страницах большого формата, преимущественно направленных против митрополита Сергия» (Артемьев 1930). Скорее всего, имелся в виду сборник «Дело митрополита Сергия», составленный в Москве и Ленинграде известными церковными

деятелями, а отнюдь не безвестным монахом. Возможно, он боялся навредить своим знакомым, оставшимся в России.

Проявляет он себя и знатоком в области подпольной литературы. Вызывает размышление его статья в чикагской газете анархо-мистиков «Рассвет». Статья повествует о российском «самиздате» и о «архивах» документов, хранящихся в частных домах, на чердаках или под матрасами. Автор описывает внешний вид машинописных рукописей, перечисляет некоторые из них, не называя автора: работа о Бакуanine в 4 томах, труд по религиозной философии на папиросной бумаге, содержащий свыше 500 страниц, лекции популярного профессора философии, церковные документы, стихи.

Не менее занимательна статья «Подпольные журналы в современной России» (Артемьев 1931: 71). Она касается «карликовых» изданий (тиражом 5–7) экземпляров. «В числе этой литературы имеются солидные труды, научные и философские, по несколько сот страниц в томе, переплетённых домашним способом, а также и журналы различных кружков, группировок и общественных объединений» (Артемьев 1931: 71).

Автор особенно отмечает несколько непериодических изданий. В Ленинграде выходил журнал «Земля и Небо» объёмом около 60 страниц. «Он заполнялся в основном стихами и литературой. Философская часть носит общий деистический, с оттенком пантеизма характер, лишь слабо соприкасаясь с Церковью, хотя в журнале немало откликов на события, развернувшиеся в связи с известным последним посланием митрополита Сергия» (Артемьев 1931: 71–72). Брендстед писал, что в 1929 году журнал ещё существовал. Он сообщал, что в Москве с 1925 года по номеру в год выходил журнал «Васильки», посвящённый искусству. Направление его, по выражению Брендстеда, религиозно-всецерковное, гностического характера. В Москве также издавался небольшими тетрадками журнал библиографии запрещённой литературы «Засыпанный город» (вышло более 10 тетрадок). Это единственный журнал, издававшийся на множительном аппарате. Он вырос из библиографического отдела журнала «Путь странника». Этот орган содержал от 250 до 300 страниц. Было выпущено за 2 с половиной года 11 номеров. Последние были тоньше (30–40 страниц), но выпускались на стеклоглафе. Вначале он носил церковно-православный характер, впоследствии стал выражать анархические и «сектантские» идеи. Впервые на страницах этого издания появились новые варианты Голубиной книги,

а также «эпическая мистерия “Дивья красота”», изображающая обряды, связанные с древней русской свадьбой (Артемьев 1931: 71). Передовая статья журнала «Путь странника» была опубликована Артемьевым (Брендстедом) в том же журнале «Утверждения». Указанные Брендстедом журналы нами пока не обнаружены.

Вполне возможно, что информация, представленная М. Артемьевым (М. Брендстедом), в той или иной степени искажена, но, как показывают наблюдения за особенностями статей этого журналиста, в его материалах содержится и правдивая информация, позволяющая исследователю осуществлять поиск в данном направлении.

За нелегально распространяемыми материалами ОГПУ вело настоящую охоту. М. Брендстед писал: «Собрания... под названием “архивов” хранятся обычно не дома в столе или на этажерке, а в корзинах или в чемоданах где-либо у безобидной знакомой старушки под диваном или на шкафу, часто даже без её ведома, или где-нибудь на даче в сарае или на чердаке. <...> Иногда такие архивы у неосторожных и легкомысленных лиц залёживаются в квартире <...> Тогда эти “архивы” рано или поздно делаются добычей ГПУ и всегда являются лакомым блюдом для производящих обыск чекистов. Провал “архива” вселяет тревогу в окружающей среде, ибо хотя рукописи переписываются и анонимны, но ГПУ довольно быстро расшифровывает аноним (так в тексте. — О. К.), если не персонально по отношению к автору, то ту среду, в которой могла появиться соответствующая рукопись, и начинается форменная облава. Вот почему при получении известия об аресте кого-либо из друзей или знакомых один из первых тревожных вопросов касается — не провалился ли при обыске “архив”» (Артемьев 1930).

Большое количество машинописных и рукописных церковных материалов периода 1920–1930-х годов современным церковным историкам стало известно из собраний М. Е. Губонина (Акты 1994), двухтомника прот. М. Польского «Новые мученики Российские» (Польский 1994), труда архимандрита Иоанна (Снычева) «Церковные расколы в Русской церкви 20-х и 30-х годов XX столетия» (М., 1997) и некоторых других собраний. Очень много материалов содержится в архивах следственных дел органов безопасности РФ, где они, как правило, собраны в качестве «вещественных доказательств», на основе которых формировались обвинительные заключения.

Анализ рукописных (машинописных) источников — важнейшая сторона исследований по истории Церкви XX века, отражающая процессы

сопротивления насилию со стороны государства, конфликты в церковной среде, памятники богословской мысли, подвиги духовенства и мирян. Эти источники несут на себе отпечаток того положения, в какое была поставлена Церковь после переворота в октябре 1917 года. Церковь стала обществом, которому а priori приписывалась оппозиционность, готовность к вражде, к поддержке контрреволюции. Деятельность Церкви и её членов часто приравнивалась к деятельности антиправительственных групп, подпадающих под статьи Уголовного кодекса. Поэтому церковные исторические источники имеют черты документов, созданных в нелегальных сообществах, — шифровка, скрытие авторства, скрытие адреса автора и получателя письма и др. При работе с этими материалами перед исследователями стоят задачи определения подлинности, авторства, расшифровки иносказаний и изменённых в целях конспирации имён и фамилий и др. Методика работы с этими документами требует дальнейшей углубленной разработки и выработки инструментов их изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / сост. М. Е. Губонин. — М. : Православный Свято-Тихоновский Богословский институт; Братство во Имя Всемилостивого Спаса, 1994. — 1064 с.

Алчущие правды. Материалы церковной полемики 1927 года. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2010. — 424 с.

Артемов М. Подпольные журналы в современной России // Утверждения. — 1931. — № 1. — С. 71–73.

Артемов М. Тайная подпольная литература в советской России // *Рассвет* (Чикаго). — 1930. — № 233–235.

Воробьев В., прот., Косик О. В. Слово Местоблюстителя. Письма Местоблюстителя священномученика митрополита Петра (Полянского) к митрополиту Сергию (Страгородскому) из Тобольской ссылки и люди, послужившие появлению этих документов // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. — 2009. — № 32. — С. 37–69.

[Лопушанская] Е. Н. Епископы-исповедники и патриарх Сергий. Послания Глуховского епископа Дамаскина // Церковный вестник Западно-Европейского Православного русского Экзархата. — 1951. Дек. № 1 (34). — С. 5–13.

Мазырин А., иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2006. — 444 с.

Мазырин А., иерей. Послание братьев-архиепископов Пахомия и Аверкия (Кедровых) об отношении к политике митрополита Сергия (Страгородского) / публ. и вступ. статья иерея Александра Мазырина // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. — 2007. — № 4 (25). — С. 137–170.

Новосёлов М. А. Письма к друзьям. — М. : Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 1994. — 354 с.

Попов А. В. Документы по истории Русского Зарубежного Православия в Российских и Зарубежных архивах // Документальное наследие по истории русской культуры в отечественных архивах и за рубежом: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 29–30 октября 2003 г. — М. : РОССПЭН, 2005. — С. 386–387.

Цыпин В., прот. Русская Православная Церковь. 1925–1938. — М. : Сретенский монастырь, 1999. — 430 с.

Сведения об авторе:

Косик Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 115184, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая д. 23б, e-mail: olga_kosik@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 08.11.2022; одобрена после рецензирования 11.11.2022; принята к публикации 20.12.2022.

O. V. Kosik

SAINT TIKHON'S ORTHODOX UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

Illegal Church Document from the Era of Persecution (1920–1930 of the 20th Century)

Abstract. The research of the history of the Russian Orthodox Church of the 20th century is largely based on the study of documents of that era drawn up in the church milieu. Since all kinds of church publications were prohibited, the reproduction of documents in private — by copying or retyping — gained ground in Russia of the 1920s and 1930s. These documents played the role of the church press — they introduced the events of church life, expressed beliefs in the rightness of the author or a group of like-minded people, unmasked ideological opponents, and also served to communicate with foreign church figures. The reproduction of such documents, in case of their discovery by authorities, could endanger not only the authors thereof and the persons mentioned therein, but also ordinary copyists and put them all to punitive measures such as purge. Thanks to the ascetics who preserved them, these documents remain the most important information sources in the field of history of the Russian Orthodox Church in the era of persecution. The article lists the documents that were taken abroad — letters of Bishop Damaskin (Cedric), the collection of church documents “The Case of Metropolitan Sergius”. Moreover, it analyzes documents both originating from the clerical office of Metropolitan Sergius (Stragorodsky) and generated by church figures opposed to Deputy Patriarchal Locum Tenens. A large number of documents was drawn up by Mikhail Novosyolov himself and the circle of his close

associates. Also, the most important documents of that era are the letters of Metropolitan Kirill (Smirnov) and replies of Metropolitan Sergius (Stragorodsky). The article pays special attention to the transfer abroad of the collection of church documents entitled “The Case of Metropolitan Sergius”, the role of the journalist Mikhail Brondsted (pseudonym: Mikhail Artemyev), who left abroad in 1930, and his articles published abroad on underground literature in the Soviet Union. The problem of the authorship of anonymous sources, the authenticity of documents distributed in the church milieu is also raised here. The Joint State Political Directorate of the Soviet Union actively used church documents found during arrests to persecute believers. Fragments of these documents often became the basis for indictments, as evidence of the accused’s anti-Soviet activity. The article also mentions the role of collectors of church documents during the persecution against the Church — Arch-priest Michael Polsky, Mikhail Gubonin, Metropolitan Manuel (Lemeshevsky).

Keywords: Russian Orthodox Church, persecution of believers, Metropolitan Sergius (Stragorodsky), secret distribution of church materials, church polemics of the late 1920s, M. M. Brondsted, M. A. Novoselov

For citation: Kosik, O. V. (2023). Illegal Church Document from the Era of Persecution (1920–1930 of the 20th Century). *Orthodoxia*, (2), 170–191. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-2-170-191

REFERENCES:

Akty Sviateishogo Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseia Rossii, pozdneishie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshei tserkovnoi vlasti, 1917–1943 [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, Later Documents and Correspondence on the Canonical Succession of the Highest Church Authority, 1917–1943]. (1994). Moscow: Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii Bogoslovskii institut; Bratstvo vo Imia Vsemilostivogo Spasa. [In Russian].

Alchushchie pravdy. Materialy tserkovnoi polemiki 1927 goda [Hungry for Truth. Materials of the Church Controversy of 1927]. (2010). Moscow: Izd-vo PSTGU. [In Russian].

Artemyev, M. (1931). Podpol'nye zhurnaly v sovremennoi Rossii [Underground Magazines in Modern Russia]. *Utverzhdeniia*, 1, 71–73. [In Russian].

Artemyev, M. (1930). Tainaia podpol'naia literatura v sovsotskoi Rossii [Secret Underground Literature in Soviet Russia]. *Rassvet (Chicago)*, 233–235. [In Russian].

Lopushanskaia, E. N. (1951). Episkopy-ispovedniki i patriarkh Sergii. Poslaniia Glukhovskogo episkopa Damaskina [Bishops-confessors and Patriarch Sergius. Messages of Bishop Damascene of Glukhov]. *Tserkovnyi vestnik Zapadno-Evropetskogo Pravoslavnogo russkogo Ekzarkhata*, 34(1), 5–13. [In Russian].

Mazyrin, A., priest. (2006). *Vysshie ierarkhi o preemstve vlasti v Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v 1920–1930-h godakh* [Higher Hierarchs on the Succession of Power in the Russian Orthodox Church in the 1920s–1930s]. Moscow: Izd-vo PSTGU. [In Russian].

Mazyrin, A., priest. (2007). Poslanie brat'ev-arkhiepiskopov Pakhomiia i Averkiia (Kedrov) ob otnoshenii k politike mitropolita Sergiia (Stragorodskogo) [Message from the Brother-Archbishops Pachomius and Averky (Kedrov) on the Attitude Towards the Politics of Metropolitan Sergius (Stragorodsky)]. *Vestnik PSTGU. Serii II: Istorii. Istoriiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 25(4), 137–170. [In Russian].

Novoselov, M. A. (1994). *Pis'ma k druž'iam* [Letters to Friends]. Moscow: Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii Bogoslovskii institut. [In Russian].

Popov, A. V. (2005). Dokumenty po istorii Russkogo Zarubezhnogo Pravoslavia v Rossiiskikh i Zarubezhnykh arkhivakh [Documents on the History of Russian Orthodoxy Abroad in Russian and Foreign Archives]. In *Dokumental'noe nasledie po istorii russkoi kul'tury v otechestvennykh arkhivakh i za rubezhom: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva, 29–30 oktiabria 2003 g.* [Documentary Heritage on the History of Russian Culture in Domestic Archives and Abroad: Materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, October 29–30, 2003] (pp. 386–387). Moscow: ROSSPEN. [In Russian].

Tsy-pin, V., archpriest (1999). *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov'. 1925–1938* [Russian Orthodox Church. 1925–1938]. Moscow: Sretenskii monastyr'. [In Russian].

Vorobyev, V., archpriest, Kosik, O. V. (2009). Slovo Mestobliustitelia. Pis'ma Mestobliustitelia sviashchennomuchenika mitropolita Petra (Polianskogo) k mitropolitu Sergiiu (Stragorodskomu) iz Tobol'skoi slylki i liudi, posluzhivshie poiavleniiu etikh dokumentov [The Word of the Locum Tenens. Letters from the Locum Tenens Hieromartyr Metropolitan Peter

(Polyansky) to Metropolitan Sergius (Stragorodsky) from Tobolsk Exile and the People Who Contributed to the Appearance of These Documents]. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istorii. Istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 32, 37–69. [In Russian].

About the author:

Olga Vladimirovna Kosik — Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Saint Tikhon's Orthodox University, 23b, Novokuznetskaya str., Moscow, Russia, 115184, e-mail: olga_kosik@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 08.11.2022; approved after reviewing 11.11.2022; accepted for publication 20.12.2022.